

Назаревский Владимир Владимирович

**Царствование императрицы
Екатерины II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович Н.**
Царствование императрицы Екатерины II / Назаревский Владимир Влади-
мирович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 84 с.

ISBN 978-5-519-98591-8

ISBN 978-5-519-98591-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

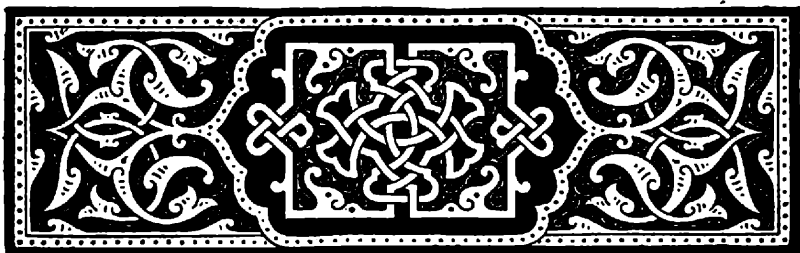
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

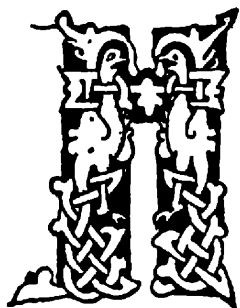
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Императрица Екатерина II и ея государственные принципы—Отличіе ихъ отъ господствовавшихъ на Западѣ въ XVIII вѣкѣ идей.—Высота и глубина въ ней Русскаго національнаго самосознанія, при ея искреннемъ уваженіи къ Петру I и совершившемуся у насъ сближенію съ Западомъ.

родолжавшееся 34 года (1762—1796) царствованіе императрицы Екатерины II оставило много свѣтлыхъ и глубокихъ слѣдовъ въ исторіи Россіи, двинувъ далеко впередъ развитіе ея внутреннихъ силъ и внѣшняго могущества.

Вступая на престолъ, она въ своемъ манифестѣ объявила, что въ правленіи своемъ будетъ слѣдовать по стопамъ Петра Великаго и справедливо считала себя продолжательницею его внутренней и внѣшней политики; благоговѣя предъ нимъ, она, при рѣшеніи каждаго государственнаго вопроса, тщательно справлялась, какъ глядѣлъ на него ея великій предшественникъ. Если же справка не давала положительныхъ данныхъ, она, взглянувъ на его портретъ, старалась разгадать, какъ посматрѣлъ бы онъ на ту или другую новую государственную задачу. Но такое отношеніе къ Петру не было рабскимъ подражаніемъ его дѣйствіямъ. Нѣтъ, это было глубокимъ проникновеніемъ въ ихъ духъ, въ ихъ основныя идеи; и гениальная преемница Петра не стѣснялась отмѣнять его мѣропріятія, если находила, что, за спѣшностью его преобразованій или вслѣдствіе чрезмѣрности его увлеченій, они не соотвѣтствовали интересамъ Россіи, ея историческому строю и, конечно, были бы отмѣнены самимъ ея великимъ предшественникомъ, если бы ему суждено было пожить дольше...

Она, какъ и Петръ, была убѣждена, что Россія должна стоять въ ряду первыхъ державъ міра, ни въ чемъ не отставая отъ нихъ, ни въ чемъ имъ не уступая. Но это для нея, какъ и для Петра, вовсе не значило, что Россія должна все и вся, безъ критики и безъ разбору, брать изъ Западной Европы. Оба гениальные, они видѣли, что въ послѣдней дурно и должно быть отброшено, и что въ Россіи хорошо и должно быть сохранено навсегда.

Петръ больше всего сосредоточивалъ свое изученіе успѣховъ Запада, для ихъ примѣненія къ Россіи, на тамошнемъ новомъ устройствѣ войска и флота, на организаціи промышленности и торговли, на постановкѣ тамошняго образованія, мало давая значенія для Россіи всему тому, что отличало отъ нея Западъ въ политическомъ отношеніи и въ самомъ его міровоззрѣніи. Мы знаемъ, что Петръ манкировалъ такія особенности Запада, какъ парламентаризмъ Англіи, республиканство Голландіи и Швейцаріи, раціонализмъ Декарта, Бэкона, Локка и Лейбница не потому, что не могъ своимъ гениальнымъ умомъ постичь и усвоить это, а потому, что все это считалъ непригоднымъ для своей Россіи: онъ зналъ ея предназначенье, въ ея самобытныхъ особенностяхъ.

Екатерина II, по самому времени своему, близко поставленная къ революціонному кризису Западной Европы во второй половинѣ XVIII вѣка, сочла обязанностью Русской императрицы изучить глубоко всѣ рѣшительно умственные, политическія и общественныя движенія Запада, дабы опредѣлить отношенія къ нимъ своей Россіи. Какъ и Петръ, безгранично смѣлая и пытливая, она своимъ умомъ проникла вглубь этихъ теченій и не постѣснилась не только перечитать всѣ выдающіяся сочиненія такихъ свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, какъ Вольтеръ, Монтескьё, Руссо и энциклопедисты, но даже и вступила въ переписку съ ними, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли что-нибудь отъ нихъ позаимствовать для Россіи. При этомъ она совсѣмъ не обнаруживала робости пользоваться кое-чѣмъ, какъ, напр., ихъ гуманизмомъ и просвѣтительно-народными стремленіями, но своимъ проицательнымъ умомъ отлично понимала фальшь ихъ революціонныхъ тенденцій и прямо смѣялась надъ ними, когда они, избалованные своими успѣхами на Западѣ, думали привить эти свои тенденціи въ Россіи.

Когда Вольтеръ торопилъ Екатерину (въ 1767 году) въ ея законодательныхъ работахъ, она писала ему о Россіи изъ своего

Императрица Екатерина II.

путешествія по Волгѣ: „вѣдь, это цѣлый особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять..., подумайте только, что мои законы должны служить и для Европы и для Азіи. Какое различіе климата, жителей, правычекъ, понятій! Я теперь вижу все своими глазами... Необходимо каждому сшить пригодное платье. Легко положить общія начала. Но частности, подробности? И какія подробности?..“ Въ своемъ „Наказѣ“ для составленія новаго уложенія она писала: „лучшіе законы въ государствѣ тѣ, кои соотвѣтствуютъ его естественному положенію, сообразны съ нравами его подданныхъ“. Она хотѣла, чтобы ея законы соотвѣтствовали „умоначертанію народа“, т.-е. его міровоззрѣнію.

Очень любопытно сопоставить тѣ начала, какія предлагало западное просвѣщеніе XVIII вѣка Екатеринаѣ и какими она руководилась не на словахъ, а на дѣлѣ, въ управленіи этимъ „особымъ міромъ“, именуемымъ Россіей. Вольтеръ, будучи врагомъ католичества, былъ и врагомъ всякой церкви. Рационалистъ, онъ былъ враждебенъ и всему сверхъестественному въ христіанствѣ и допускалъ только философическую вѣру въ Бога, Который своимъ провидѣніемъ будто не вмѣшивается въ жизнь міра. Жанъ-Жакъ Руссо проповѣдывалъ какую-то новую вѣру съ обоготвореніемъ природы, съ возвращеніемъ человѣка къ его первоначальной простотѣ, съ какой-то человѣчной любовью, неизвѣстно на чемъ основанной. Радикалы же XVIII вѣка—энциклопедисты, будучи грубыми матеріалистами, совершенно отвергали и Бога, и душу, и нравственность и говорили, что человѣкъ—машина, „онъ есть то, что онъ ѣстъ“. Наши нѣкоторые западники того времени не прочь были увлекаться этими идеями и подъ ихъ вліяніемъ легкомысленно относились къ нашей церкви, къ христіанству, къ религіи. А что Екатерина?

Хвала и честь ей: она, еще будучи великой княгиней, являла всюду живую преданность православной церкви и ея богослуженію, даже всегда соблюдала православные посты. Но лучшее доказательство ея искренней преданности православію, это—то, что она сама, какъ было говорено, составила житія святителя Алексія митрополита и преподобнаго Сергія и написала ихъ въ православнѣйшемъ духѣ и никогда и нисколько не думала о насажденіи въ Россіи французскаго вольномыслія по отношенію къ религіи и церкви...

Если мы обратимся къ политическимъ идеямъ XVIII вѣка, то мы увидимъ, что изъ передовыхъ писателей только либералы считали идеаломъ государства монархію ограниченную, конституціонную, и въ англійскомъ парламентаризмѣ видѣли наиболѣе совершенную форму правленія, какъ Монтескьё, авторъ знаменитой книги „Духъ законовъ“. Всѣ же радикалы ничего не хотѣли знать, кромѣ народовластія и республиканства. Въ вѣкъ Екатерины Руссо напечаталъ свое пресловутое сочиненіе „Общественный договоръ“ и изложилъ въ немъ революціонныя права человѣка, которыя изъ его книжки взяты были сперва

Государственная печать Императрицы Екатерины II.

въ Сѣверо-Американскую, а потомъ во Французскую конституцію... Въ ту пору умственная революція уже совершилась, и началась политико-соціальная...

Все это для своего особаго міра—Россія Екатерина отвергла. Она не терпѣла Жанъ-Жака Руссо, съ его народовластіемъ; пользуясь для своего „Наказа“ по составленію новаго уложенія, „Духомъ законовъ“ конституціоналиста Монтескьё, она, однако, написала въ поученіе комиссіи, призванной къ выработкѣ законовъ для русскаго народа, слѣдующія знаменательныя слова: „Россійская Имперія столь обширна, что, кромѣ

самодержавной монархіи, всякая другая форма правленія вредна ей и разорительна: ибо все прочее медлительно въ исполненіи и многое множество страстей разныхъ имѣеть, которыя къ раздробленію власти и силы тянуть. Единный Государь имѣеть всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитаетъ общее благо своимъ собственнымъ. Цѣль монархическаго самодержавнаго правленія есть благо гражданъ, слава государства и самого государя... Самодержавіе лучше угожденія многимъ господамъ"... Поддержка Екатерины польской и шведской конституціямъ была лишь средствомъ къ ослабленію враждебныхъ намъ государствъ.

Французская печать того времени, и въ газетахъ, и въ брошюрахъ, бредила политическимъ и общественнымъ равенствомъ, и въ это царствованіе въ разгаръ первой французской революціи, Вабёфъ провозгласилъ даже и экономическое равенство; но Екатерина Великая въ своемъ царствѣ не давала ходу этимъ тенденціямъ и въ духѣ До-петровскаго и Петровскаго строя нашего народа развила у насъ сословную организацію дворянства, городскихъ и другихъ классовъ.

Если Петръ I, по словамъ поэта, не призиравъ земли родной и зналъ ея предназначенье, то Екатерина II еще глубже своего великаго предшественника прониклась Русскою историческою идеею. Она скончалась не съ Вольтеромъ или Руссо въ рукахъ, а съ своими записками по Русской Исторіи, которыя писала за нѣсколько часовъ до своей кончины. Она говорила, что Русскому народу нечего краснѣть за свою исторію, что она выдержитъ сравненіе съ исторіей всякаго другого народа...

Вопреки господствовавшимъ въ XVIII вѣкѣ идеямъ децентрализаціи, она строго придерживалась начала государственнаго единства, идущаго изъ центра на окраины... Въ инструкціи генераль-прокурору князю Вяземскому она писала: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными ихъ привиллегіями; нарушать ихъ отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно было бы, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, это—просто глупость. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами постепенно привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу“. На сепаратистскія стремленія курляндцевъ или финляндцевъ она отвѣчала отрицательно

Свину моему и Всевежъ Моимъ потомкамъ
Савитую и Паставную еимъ
Во Всевежъ отъ начала до
конца да бы они видели и сего оне
рекала отъ того же и да по
го примера въпроизводства днелъ.
Имъ. А на своему Катинемъ
Министру Ортему Всевежъ
му приказывала сочинить про
Имъ о отъраваении вънутрен
ныхъ и върстванныхъ днелъ, по
рой онъ и сочинилъ и еи подалъ
осталось еи: поехать въотърава
не поехать отъстаивать изъ ео
представлении. Но на противъ
того его днелъ и поны ео ду
хонъ не правъ ^{по дощ} изъ того в
еинения вътащили за вою ое
оанъ спазать и възвела на
Всевежъ изъменнеспонъ умисль
и будто онъ сего днелъ
хотелъ влаетъ въра, чего отъ
подымъ не дозвено.

и говорила: „Я—не герцогиня лифляндская и не курляндская, а Русская Императрица“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она являлась, какъ нѣкогда Московскіе Государи, и собирательницей тѣхъ нашихъ земель, которыя насиліемъ или хитростью враговъ были отторгнуты отъ Россійскаго Государства. Она могла вмѣстѣ съ Іоанномъ III сказать: „не то одна наша вотчина, кои города и волости нынѣ за нами, а вся Русская Земля изъ старины отъ нашихъ предковъ пошла“; и она добыла отъ Польши, кромѣ Литвы, Вѣлую и Черную Русь, Волынь и Подолію, какъ „извѣчное наше достоиніе“.

Самое присоединеніе другихъ земель Екатерины II, какъ напр. Новороссіи и Крыма, вызывалось существеннымъ интересомъ Россіи—найти свою естественную границу на югѣ, у того моря, которое нѣкогда называлось Русскимъ. И вообще вся международная политика Екатерины II, подобно политикѣ Петра I, опредѣлялась чисто Русскими реальными интересами.

Съ вѣрою въ величіе и славу Россіи, въ ея свое, особое предназначеніе, Екатерина взошла на ту высоту государственнаго прозрѣнія, съ которой ясно было видно, кого избрать изъ народа въ помощь себѣ, въ царственномъ трудѣ правленія. Ея назначенія на трудныя и отвѣтственныя государственныя должности въ большинствѣ случаевъ были блестящи. Сотрудники этого царствованія составили вокругъ Русскаго престола, „славную по выраженію Пушкина, стаю екатерининскихъ орловъ“, о которыхъ „слава идетъ изъ вѣка въ вѣкъ“.

Вблизи нея стояли такіе блестящіе дипломаты, какъ Никита Панинъ, Безбородко и Репнинъ, такіе администраторы, какъ Потемкинъ, Вяземскій и Сиверсъ, такіе полководцы, какъ Суворовъ-Рымникскій, Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Долгоруковъ-Крымскій, такіе писатели, какъ Державинъ и Фонвизинъ.

Не довольствуясь своимъ единоличнымъ избраніемъ, она сдѣлала опытъ привлеченія къ дѣламъ государственнымъ, именно къ предварительной выработкѣ законовъ, и выборныхъ людей, которыхъ вызвала въ комиссію для составленія Новаго Уложенія—своего рода земскій соборъ.

Она желала непосредственно, не отъ своихъ сановниковъ, а отъ выборныхъ людей узнать нужды и потребности всѣхъ частей своего государства, составъ своего народа; она желала

чтобы ни единый интересъ не былъ лишенъ возможности непосредственно заявить себя предъ престоломъ и предстательствовать о себѣ. Для этого-то и созваны были со всѣхъ концовъ Россіи эти выборные люди въ Москву. Но они, какъ увидимъ далѣе, не рѣшили возложенной на нихъ задачи,—не продвинули вопроса о составленіи новаго Уложенія, и только дали прави-

А. В. Суворовъ-Рымникскій.

тельству много свѣдѣній о нуждахъ Россіи. И сама императрица постоянно старалась, какъ можно лучше, ознакомиться съ своимъ государствомъ, съ своимъ народомъ. Сама посѣщала Сенатъ и другія правительственныя учрежденія и принимала тамъ личное участіе въ рѣшеніи дѣлъ; много путешествовала по Россіи (по Волгѣ, Прибалтійскому краю, Бѣлой и Малой Руси, Новороссіи и Крыму), вездѣ ко всему присматривалась

и прислушивалась и такимъ образомъ, по собственному выраженію, запасалась идеями на десятки лѣтъ.

Но для нея мало было изученія своего государства посредствомъ личныхъ наблюденій надъ его жизнью: она углублялась въ тайники души народа, создавшаго это государство. Отлично владѣя литературнымъ языкомъ своего народа, она еще изу-

Орловъ-Чесменскій.

чала его по русскимъ народнымъ пословицамъ, былинамъ и сказкамъ, напечатала сборникъ первыхъ, принимала участіе въ составленіи Русскаго академическаго словаря и даже приняла участіе своимъ перомъ въ Русской литературѣ, осмѣивая въ своихъ сатирахъ тѣхъ Русскихъ, кои слѣпо увлекались всѣмъ иностраннымъ, и выбирая для своихъ драматическихъ сочиненій